

Двадцатилѣтнее пребываніе Миниха въ Пелымѣ составило важную переломную эпоху въ жизни этого человѣка. Самъ онъ сознавался, что былъ слишкомъ увлеченъ суетою жизни, въ которой до тѣхъ поръ вращался; ударъ, постигшій его, обратилъ его сердце къ Богу и онъ въ своемъ несчастіи и униженіи нашелъ душевный миръ и спокойствіе. Онъ, по собственному увѣренію, никогда въ продолженіе двадцатилѣтняго своего заточенія не

рота выходить, въ состояніе привели, въ которыхъ огородахъ мы въ лѣтнее время сажаніемъ и сѣяніемъ моционъ себѣ дѣлаемъ, сами столько пользы, приобретаемъ, что мы, хотя многое за стужей въ совершенный ростъ или зрѣлость не приходитъ, при рачительномъ раздѣленіи чрезъ весь годъ тѣмъ пробавляемся; ибо здѣсь въ Пелымѣ, который едва въ двадцати домахъ состоитъ, у обывателей (кои стрѣляніемъ соболей и оленей питаются) ни гороху, ни бобовъ, ни луку, ни редки, ниже какихъ травъ или капустъ, такожъ ни фунта мяса, масла коровья, крупъ или муки, ни пива, ни хлѣба, или что инако къ домостройству потребно купить, достать невозможно, но офицеръ принужденъ все чрезъ солдатъ по деревнямъ ссысывать у крестьянъ или изъ Тобольска за 700 верстъ отсюда не безъ трудности, вреда и изживенія (для того, что иное отъ жару или морозу портится или подмачивается) привозить. Въ нашихъ огородахъ мы въ іюнѣ, іюлѣ и августѣ небезопасны отъ великихъ ночныхъ морозовъ, и потому мы, что иногда мерзнуть можетъ, рогожами рачительно покрываемъ. Причемъ же еще и сіе великое безпокойство есть, что чрезъ всѣ вышеперечисленные три мѣсяца лѣтній воздухъ заразительными мухами или такъ называемыми мошками, которыхъ едва глазами видѣть можно, такъ наполненъ, что носъ, глаза и уши зажимать или непрестанно отмахиваться въ рукавицахъ быть надобно, отъ прогложенія такихъ мошекъ дышать нельзя; которая малая ядовитая гадина рогатому скоту такимъ множествомъ въ ноздри набивается, что оттого та скотина ѣсть не можетъ, временемъ умираетъ; такъ когда прохладительный вѣтеръ не вѣетъ, разгоняющій тѣ мошки, то люди, скотина и лошади въ домахъ быть принуждены! Сіе мѣсто такъ болотами и лѣсами окружено, что лѣтомъ никакая телега сухимъ путемъ проѣхать не можетъ, но только водою по рѣкѣ Тавдѣ, коя въ Тоболѣ впадаетъ, вверхъ по водѣ, что либо потребное перевозить судами можно, а все хожденіе судовъ состоитъ въ одномъ стругѣ, который въ іюлѣ мѣсяцѣ съ коронною солью для здѣшняго воеводства ежегодно приходитъ и при которомъ случаѣ изъ Тобольска ничто доставать можно. Въ февралѣ мѣсяцѣ, въ деревнѣ Ирбитъ именуемой, разстояніемъ отсюда около четырехсотъ верстъ, ежегодно великая ярмарка бываетъ, на которую купцы со всѣхъ сторонъ изъ Россіи и притомъ изъ китайскихъ границъ, такожъ изъ соседнихъ татаръ и калмыкъ съѣзжаются, и на сей главной ирбитской ярмаркѣ все то, что для одежды и пищи потребно, достать можно и офицеръ пошеченіе получаетъ, чтобъ мы, сколько наша казна позволяетъ, всѣмъ потребнымъ всегда на цѣлый годъ снабдѣны были.

„Чрезъ всю долгую зиму жены моей такое упражненіе есть, что она своими руками все то шьетъ, что намъ бѣлья на столъ, постель и наше тѣло надобно, и старое вновь передѣлать она трудится; мое жъ упражненіе состоитъ въ томъ, что я по латинѣ учусь, въ чемъ я къ превеликому моему удовольствію столько предъусиляю, что я нашего пастора латинскія книги, а именно біблію и церковныя исторіи читаю, и книгу, именуемую потребнаго общаго соединенія (съ которой я начало учинилъ и тѣмъ желаніе по латинѣ въ моей уже старости учиться во мнѣ возбуждилось) почти